

ГЛУБИНА СЕРДЦА

ПЯТЬДЕСЯТ лет назад далеко от станицы Кочетовской по реке, скованной льдом и засыпанной снегом, шли две санные упряжки. Шестеро молодых людей отправились вверх по Буре, чтобы уточнить карту Завитинского района Амурской области. Старшим был двадцатитрехлетний Виталий Закруткин. Накануне его пригласил к себе председатель райисполкома, расстелил на столе карту и, проведя карандашом по извилистой линии реки, показал обширные белые пятна.

Поход по тайге продолжался около полутора месяцев. Многие узнали первооткрыватели, много неожиданного увидели. Довелось им побывать в селении староверов, у которых — в тридцать первом году! — висели «на всякий случай для властей» портреты Романовых. Так прочно эти люди отгородились от мира, что никакие известия их не достигали. И поверили они в то, что порядок жизни переменялся, лишь когда им показали деньги — новые, советские...

В эпопее В. Закруткина «Сотворение мира» будет такой эпизод. Эпизод, конечно, сам по себе сугубо частный, но черта эта — отталкиваться в творчестве от жизненных впечатлений, от лично пережитого — станет одной из самых характерных для Закруткина.

Быль — откровенная точка, толчок для написания той или иной книги, многие эпизоды у меня не выдуманы, — говорил Виталий Александрович, когда в беседе мы коснулись этой темы. — От «Сотворения мира» до самого маленького рассказа — все возникает на основе реальных фактов. Это отнюдь не значит, что я отказываюсь от воображения, от домысла. И все-таки «Плавучая станция» — это Кочетовская, все увидено здесь. «Кавказские записки» — целиком документальная книга. «Матерь Человеческая»... В 1943 году, когда наши войска прорвали фронт, фашисты отступали очень быстро, мы их успешно преследовали, буквально по пятам. В бесконечном потоке наших войск мы ехали на «газике» с шофером, старшим сержантом Сашей Зеленым. Чтобы опередить этот поток и увидеть операцию у реки Молочной, мы поехали степными дорогами. И на проселке увидели сожженный хутор. Когда выезжали из него, как будто из-под земли появился мальчик лет четырех. Истощенный женский крик — из землянки выскакивает женщина. Ужас на лице. Когда она увидела красные звезды на наших фуражках, то упала на колени... Она рассказала о том, как осталась одна в мертвом хуторе и выжила. Вскоре я написал рассказ «О живом и мертвом». Прошло время, он мне показался крайне невнятным, не раскрывающим душу этой женщины. И я, основываясь уже не только на этом случае, стараясь передать общий дух самоотверженности и героизма советских женщин во время войны, написал повесть. Что же касается «Сотворения мира», то некоторые критики вообще

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

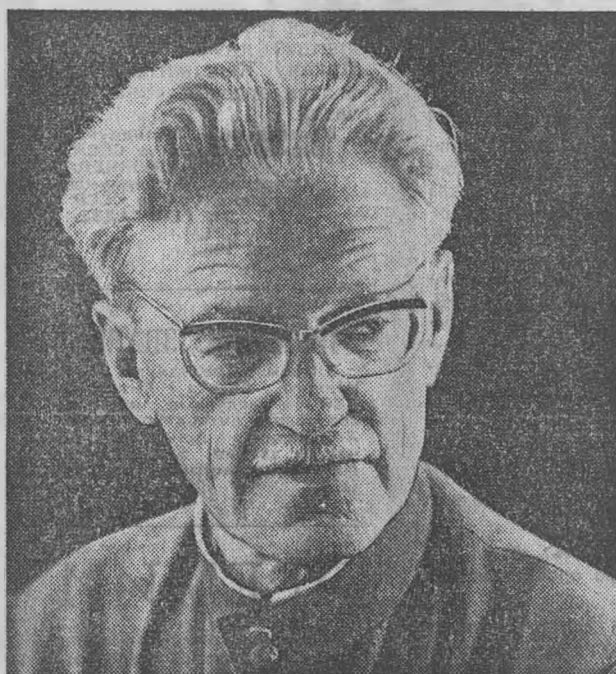
Виталия ЗАКРУТКИНА

◆ Михаил ШОЛХОВ: «...Виталий Закруткин — талантливый писатель... человек легкой жизни, человек крепкий и живет в нашей литературе по-настоящему».

◆ «Читала роман «Матерь Человеческая» и думала: а смогла бы я жить так, как ваша героиня — за всех, за все село?»

Из письма читательницы
Т. Костогладовой
Алтайский край

◆ В. ЗАКРУТКИН: «Все лучшее в нашем человеке рождено духом советского общества».

считают роман автобиографическим. Нет, семья Ставровых — это не семья Закруткиных, хотя кое-что и легло в основу ситуаций романа. Но все, что в книге, — все было увидено, потревожило душу, заставляло размышлять и работать...

Виталий Закруткин родился в Феодосии, до двадцати двух лет жил в селе на Украине, где учительствовали его родители; потом вместе с ними переехал на Дальний Восток. Окончил Благовещенский педагогический институт экстерном и аспирантуру Педагогического института имени А. Герцена в Ленинграде. Преподавал студентам в Ростове-на-Дону с 1936 года. Отсюда в войну дошел до Берлина и Праги. И тридцать четыре года живет на Дону в станице Кочетовской, ста тридцать километрами выше Ростова.

Жизнь в самых отдаленных друг от друга краях, наверное, как-то соотносится с тем, что творчество Виталия Закруткина географически не привязано к одной лишь области — его произведения стремятся объять родную землю как можно шире, словно в них действует какая-то центробежная сила, влекущая писателя по все новым и новым пространствам.

Так, в «Матери Человеческой», в ее прологе и эпилоге, писатель смотрит на подвиг Марии с высокого холма в древнем прикарпатском городе, далеко от того места, где происходили описанные события. Это не просто композиционный прием — повесть, глубоко волнующая каждого, кто читает ее, могла бы жить и без него. Это вызвано потребностью как бы отодвинуться от содержания, почувствовать «со стороны» его истинный масштаб.

Так, в «Плавучей станции», показав огромные изменения на донском берегу — и в колхозе, и в душах казаков, — автор посылает своих героев в Москву, где они встречаются с другими людьми — колхозниками, рыбаками, ихтиологами, приехавшими со всех уголков страны, и убеждаются, что кипучая преобразовательная работа идет везде: в Осетии и на Дальнем Востоке, в Сибири и Прибалтике.

Что же до «Сотворения мира», то здесь действие разворачивается с невиданной писательской экспансией: события романа-эпопеи происходят в средней полосе России и на Дону, в уральском городке и в дальневосточной тайге, в Москве, Париже, Лондоне, Мюнхене, Берлине, в других европейских городах, в горах Испании и на полях сражений Великой Отечественной войны, в Болгарии, в Китае, в Иране, на плантациях американского Среднего Запада и на Аляске...

Поставив перед собой сложнейшую задачу — показать созидание и утверждение нового мира, нового соотношения сил на планете, автор охватывает большой промежуток времени: от только что закончившейся гражданской войны, разрухи и нищеты первых революционных лет до победы советского народа в самой страшной войне, которую знала история. Роман потрясает правдой, в нем изображенной, правдой о том, что перенес наш народ, о его высоком героизме. И — покояет оптимизмом и верой в человека. Писатель убежден, что лучшее в советском человеке определяется нравственными установками, рожденными всем нашим строем, нашим обществом.

Вера писателя в лучшее в человеке далека от абстрактного гуманизма, неприятие войны — от пацифизма. Впечатляющие страницы, где показаны гнусные диверсии империалистов против молодой Советской республики, зарождение фашизма и захват власти в Германии Гитлером, бесчинства гитлеровцев на оккупированных территориях.

Рисуя силу нового общества, которое оказалось способным противостоять страшному натиску, писатель не скрывает, в каких трудностях росла и крепла Советская страна: он говорит о борьбе партии против оппортунистов и ревизионистов, о сложностях коллективизации сельского хозяйства, о том, как порой мучительно рождался характер нового человека...

Историческая хроника и семейная хроника Ставровых в «Сотворении мира» слиты неразрывно — и это тоже характерно для грандиозной эпохи, которую отобразил художник.

— Вот, если все будет хорошо, закончу повесть, — говорит Закруткин, — а потом мне хочется для детей среднего и старшего возраста написать цикл рассказов о природе с основной темой: все живое заслуживает очень теплой опеки человека...

Я слушала эти слова и вспоминала уже написанное Закруткиным о деревьях, птицах, травах, животных; думала о том глубоком смысле, который вложен в последние строки «Сотворения мира»: измученные, страдавшие Андрей Ставров и Наташа Татарина сажают новые деревья на месте, где были воронки от бомб и окопы. И о том, что сам Виталий Александрович вместе с отцом раскорчевал погибший старый сад и посадил новый. О его березках, которые принялись по дороге к пристани.

Вот она, самая главная связь между обликом, личностью писателя и его книгами!

Закруткин пишет о деревьях и сажает деревья.

Закруткин пишет о людях фронта и идет вместе с ними. Во время уличных боев в Берлине он, военный корреспондент, сражался в батальоне. Орден Красного Знамени вручал ему маршал Жуков.

Закруткин пишет книгу о донской станице и принимает деятельное участие в решении возникающих перед тружениками села проблем. Около тридцати лет он депутат Ростовского областного и Кочетовского сельского Советов.

А тысячи неприметных, но важных для людей дел, с которыми идут к писателю, видя в нем представителя советской литературы?

Бесконечна, бессрочна «творческая командировка», которую он выписал себе тридцать четыре года назад. А правильнее сказать, еще раньше — когда впервые взялся за перо.

...Хорошие слова написал Виталию Александровичу, прочитав одну из его книг, читатель М. Е. Панкратов из Казахстана: «Спасибо вам за ваши труды, за вашу глубину сердца».

Глубина сердца. Эти слова точно определяют и человеческую, и писательскую сущность Виталия Закруткина, своеобразие его дара.

Высокий нравственный заряд книг Виталия Закруткина притягивает к себе, объединяет сердца читателей, и в этом ценность его произведений. Именно эту особенность творчества писателя выделил чехословацкий литературовед П. Куш: «...это проза советская, несущая в себе самые характерные черты социалистических этических и эстетических идеалов. Сила этой прозы в том, что ее революционный пафос, который, однако, передан не патетически, отчетливо выражает общечеловеческие начала».

...В 1979 году была ранняя на Дону зима. Виталий Александрович заболел, и жена его дала телеграмму в Киев старому другу Закруткина инженеру-строителю Ржепко. Добрался он до райцентра к вечеру и узнал, что автобуса уже не будет. А от райцентра до Кочетовской шесть километров, да еще Дон. Валил снег. Евгений Михайлович Ржепко прошел шесть километров и оказался у реки напротив станицы. Он не знал, давно ли стал лед, крепко ли, а спросить не у кого. И он решил. Лед полосами и полукругами темнел между наметами снега, почти как в молодости, как тогда, на Буре, когда они «стирали» белые пятна с карты Амурской области.

Этот маленький эпизод много говорит и о самом Закруткине. Чтобы полвека сохранять такую верную дружбу, нужно прожить хорошую, честную жизнь, прости через нее светлые идеалы молодости. Писателю это удалось и в жизни, и в книгах.

Н. СТАРЦЕВА